

Иоанна
одномомо-
ко капо-
юручино
чтенных

момент наложенија на себя руки, когда они собирались покончить расчеты со своей жизнью. Всё эти люди никогда не забудут святой образъ владыки-человѣка. И въ эти тяжкие дни ихъ сердца болять за священномуученика Иоанна, уѣшителя страждущихъ и гонимыхъ. Вѣчна память ему!

Мучническая кончина архіеп. Иоанна*).

къ 25-лѣтию ея.

Дата десятилѣтия 20 сентября 1931 г. пребыванія Архіепископа Иоанна на посту главы Православной Церкви въ Латвіи была отмѣчена въ кругахъ русского населенія особенно въ виду его огромныхъ личныхъ заслугъ въ дѣлѣ возстановленія Латвійской Православной Церкви и въ дѣлѣ защиты имъ правъ и нуждъ русского меньшинства въ Латвіи.

Въ адресѣ Рижскаго Каѳедральнаго Собора, между прочимъ, было сказано слѣдующее: «Въ теченіе десяти лѣтъ обильно сыплются на Васъ нападки со стороны враговъ вѣры православной, отъ которыхъ не защищаетъ Васъ даже неприкословенность высокаго званія депутата Сейма, вплоть до знаменитаго неслыханного дерзостнаго выступленія противъ Васъ Вашихъ политическихъ враговъ 3-го июля с. г. Но чѣмъ яростнѣ эти выступленія, тѣмъ ярче окружаетъ Васъ ореолъ исповѣдника...»

Его выступленія въ Сеймѣ отличались дѣловитостью не только въ отношеніи русскихъ нуждъ, но и въ дѣлахъ Латвійскаго Государства. Онъ постоянно разоблачалъ разрушительную работу лицъ лѣваго крыла Сейма и Правительства. Въ рядахъ лѣвыхъ иногда поднимался шумъ — топотъ ногами. Однажды, Владыка Иоаннъ, выждавъ, сказалъ: «когда я былъ еще молодымъ священникомъ въ Волгодской губерніи, зимою, ночью ко мнѣ прѣхалъ изъ сосѣдней деревни крестьянинъ и попросилъ поѣхать и причастить его больную жену. Когда на разсвѣтѣ мы подъѣзжали къ окраинѣ деревни, выскоцила старая собака, которая бѣгала вокругъ саней со страшнымъ лаемъ. Я инстинктивно сѣжился и крѣпче завернулся въ туалетъ. Моя возница обернулся и сказалъ мнѣ: «не бойтесь, батюшка, собака, онѣ вамъ ничего не сдѣлаютъ, это онѣ васъ привѣствуютъ такъ, какъ умѣютъ по своему, по собачьему».

Послѣ этого навсегда прекратились выпады во времея рѣчей владыки Иоанна.

На 12-е октября 1934 г. въ судѣ было назначено къ слушанію дѣло по обвиненію нѣкоторыхъ лицъ лѣваго крыла въ антигосударственной работе. Владыка Иоаннъ имѣлъ много материаловъ и документовъ, и долженъ былъ въ этотъ день выступать въ качествѣ свидѣтеля. Вѣроятно, это была главная причина ужаснаго преступленія.

Рано утромъ 12-го октября 1934 года, въ Ригѣ распросѣрился слухъ, что ночью на архіерейской дачѣ былъ пожаръ, въ огнѣ которого погибъ Архіепископъ Иоаннъ.

Бо 2-мъ часу ночи, съ четверга на пятницу, 11-12 октября, преступники проникли на дачу Архіепископа Иоанна на Кипъ озерѣ, убили его, въ печахъ сожгли рядъ бумагъ, и чтобы скрыть слѣды преступленія, подожгли дачу.

Владыка Иоаннъ съ давнихъ порь былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Собиновымъ. Какъ потомъ выяснилось, Владыка съ Собиновымъ вѣль секретные переговоры, чтобы онъ помогъ вызволить изъ Сов. Союза одного епископа — латыша. Послѣднее время Владыка началъ прихварывать и хотѣлъ имѣть себѣ помощника и замѣстителя.

*) Изъ готовящагося къ печати третьего тома «Новомуучениковъ» протопр. М. Польского.

Л. В. Собиновъ прїѣхалъ въ Ригу изъ Германіи, изъ Наугейма, где онъ лечился, 11 октября. Несмотря на двухчасовое опозданіе поѣзда — былъ онъ встрѣченъ на вокзалѣ двумя оставшимися неизвѣстными лицами. Видимо, о встрѣчѣ было условлено заранѣе и неожиданностью для Собинова она не явилась.

Прѣѣхавшій вмѣстѣ со встрѣтившими его отправились въ гостинницу «Петроградъ». Собиновъ прошелъ въ приготовленный для него номеръ, незнакомцы же оставались на улицѣ. Можно предположить, что изъ номера Собиновъ протелефонировалъ владыкѣ о своемъ желаніи посѣтить его и по всей вѣроятности отрекомендовалъ и незнакомцевъ. Никого изъ постороннихъ архіепископъ къ себѣ не пускалъ изъ-за опасеній возможныхъ нападеній. Собиновъ же былъ связанъ съ владыкой самыми тѣсными дружескими отношеніями. Вообще, архіепископъ устраивалъ такъ, что людямъ чужимъ не могло быть извѣстно, где онъ въ данный моментъ находится: официальная его квартира была въ Ригѣ, въ подвалѣ подъ Соборомъ, въ жизни былъ онъ чрезвычайно скроменъ и нетребователь. Выдѣя изъ отеля Собиновъ въ сопровожденіи все тѣхъ же лицъ отправился на автомобиль къ владыкѣ. Повидимому, Собиновъ не видѣлъ никакого основанія не довѣрять своимъ спутникамъ и не проявлять никакого беспокойства.

Архіепископъ Иоаннъ обиталъ на своей «дачѣ» совсѣмъ одинъ — несмотря на годы, обладалъ онъ могучимъ тѣломъ, сложеніемъ и одиночества никакъ не страшился. «Дача» его была старый деревянный двухэтажный домъ, владыка жилъ въ трехъ нижнихъ комнатахъ, пользуясь одной изъ верхнихъ какъ столярной мастерской. На дворѣ въ маленькомъ флигеле проживали три полулучие старушки монахини, ходившія за домомъ и за огородомъ. Послѣ преступленія ихъ нашли запертыми и на смерть испуганными...

Слѣдствіе установило, что позднѣе къ владыкѣ, кроме Собинова и его спутниковъ, были впущены еще какіе то лица, потомъ исчезнувшіе. Какіе велись между ними разговоры — конечно, никогда не станеть извѣстными. Глухой ночью на «дачѣ» вспыхнулъ пожаръ и прибывающими пожарными въ верхнемъ этажѣ, въ сѣняхъ между четырьмя комнатами, на принесенномъ изъ мастерской верстакѣ и на снятой съ петель двери было обнаружено обгорѣвшій трупъ архіепископа. Онъ былъ привязанъ проволокой къ двери, на которой лежалъ. Проволокой же была задѣлана съ наружной стороны дверь изъ сѣней на лѣстницу и дверь эту пришлось выбивать пожарной кишкой... Ноги владыки были обуглены настолько, что отъ струи воды, направленной на верстакъ, онѣ отвалились... Осмотреть показалъ, что ни двери, ни верстакъ, на которыхъ лежалъ покойный, ни спина и затылокъ его, ни наконецъ, сами сѣни и ближайшая комната и стѣны не были подвержены дѣйствію столь сильного огня, какъ ноги. Очевидно, палачи жгли ноги искусственно, пытая, допытываясь... Жгли, вѣроятно, калильной лампой. Въ правомъ паху покойного было обнаружено пулевое отверстіе съ ходомъ пули вверхъ по направлению къ позвоночнику, гдѣ она и застрѣла. Выстрѣлъ былъ произведенъ въ архіепископа вѣроятнѣ всего тогда, когда онъ лежалъ на верстакѣ и подвергался пыткамъ. — Эта страшная картина въ подробностяхъ описывалась въ газетахъ. Едва ли станетъ когда нибудь извѣстнымъ, о чѣмъ допытывались убийцы. Но можно было понять, что они лихорадочно искали какіе то важные документы и ища ихъ срывали даже доски пола... По слѣдамъ преступленія можно было установить, что покойному подъ угрозой смерти предъявлялись какіе то ультимативные требованія.

А относительно Собинова слѣдствіемъ было установлено, что той же ночью онъ вернулся въ гостинницу въ

сопровожденийъ тѣхъ же двухъ таинственныхъ спутниковъ — но самъ двигаться Собиновъ не могъ, его вели подъ руки. Подъ утро онъ скончался.

Явившіся для установлення обстоятельствъ смерти поліцейскій врачъ потребовалъ вскрытия тѣла, но этому воспрепятствовалъ прибывшій въ гостиницу полпредъ и по его категорическому настоянию тѣло было немедленно перевезено въ полпредство. И, между прочимъ, тамъ на другой день, по желанію пріѣхавшаго изъ Берлина сына Собинова была отслужена панихида... Потомъ — пріѣхала изъ Германіи вдова и запаянное въ металлическомъ гробу тѣло въ ея сопровожденіи было перевезено въ Москву и похоронено «съ большой пышностью», какъ и подобаетъ «народному» артисту»...

Всёмъ рижанамъ было ясно, что Собиновъ, бывшии небольшими «соучастникомъ» этого преступления и главнымъ свидѣтелемъ его, былъ убить этими неизвѣстными, которые хотѣли этого свидѣтеля убрать.

Отпѣваніе и погребеніе Архіепископа Іоанна совершили митрополитъ Эстонскій Александръ, епископъ Печерскій Николай въ сослуженіи свыше 100 священниковъ въ присутствіи высокихъ должностныхъ лицъ Государства представителей инославныхъ церквей и огромнаго стечения молящихся, въ воскресенье 21 октября 1934 г.

Слѣдствіемъ преступленія руководилъ прокуроръ рижскаго окружнаго суда Г. Карчевскій, который въ печати и по радио давалъ обѣщанія довести дѣло до конца и представить преступниковъ передъ судомъ правымъ и строгимъ. Но слѣдствіе по чьей то волѣ было прекращено и столичнымъ газетамъ былъ приказъ ничего не писать по вопросу объ убийствѣ владыки Иоанна.

Памяти Архієпископа Іоанна (Поммера).

Въ жизни Владыки Иоанна было много таинственного. Упрекали его, что онъ живетъ безъ келейника. Онъ отвѣчалъ, что ему лучше жить одному; разные де къ нему приходять люди, а онъ не хотѣлъ бы никого подвергать опасностямъ. Люди къ нему, дѣйствительно, приходили разные; пріѣзжали знатные англиканские прелаты, но посѣщали и подозрительные оборванцы: У него была подпольная связь съ Россіей. Люди ухитрялись переходить оттуда. Авторъ этихъ строкъ сама видѣла въ 1936 г. въ Печерахъ діакона, который зимой перешелъ по льду Псковскаго озера, съ той стороны, съ женой и маленькимъ ребенкомъ. Охрана съ совѣтской стороны становилась все сильнѣй, но герметически отрѣзать страну не удалось. Владыка являлся какимъ-то центромъ, но онъ умѣлъ молчать. Упомяну такой случай: какъ-то, при довольно темныхъ обстоятельствахъ, изъ Россіи удалось выбраться одному духовному лицу. Приняли его съ распостертыми объятіями. Владыка отнесся къ нему очень сдержанно и не сдѣлалъ ничего, чтобы остановить его въ Ригѣ. Лицо же, прослѣдовавъ дальше, со временемъ было разоблачено, какъ совѣтскій шпионъ!

Это — одна сторона деятельности Владыки; другая же была его непрерывная, вдохновенная и открытая борьба съ безбожной властью. Гдѣ бы Владыка ни выступалъ, вездѣ неустранимо, призывно и громко звучалъ его голосъ, сильный и смѣлый. Его упрекали за то, что онъ занимается политической дѣятельностью. Думаю, что и онъ охотнѣе жилъ бы гдѣ-нибудь въ тихой монастырской келлии и занимался молитвой и духовными трудами, да время было не такое. Всѣ, кто видѣли Владыку въ саду его дачи, около пчельника, или стругающимъ за столярнымъ станкомъ на

чердакъ, знаютъ, что и такие чисто монастырские труды не были чужды его многогранной натурѣ.

Перед убийством Владыки какія-то темные силы ловко и систематично руководили его травлей. А мы, тѣ, кто не вѣрилъ въ эти навѣты, слишкомъ прохладно и лѣниво вступались за Владыку, слишкомъ снисходительно слушали нелѣпья и гнусныя сплетни. Вѣдь въ Латвії не было русской семьи, которую Владыка такъ или иначе не облагодѣтельствовалъ, онъ помогалъ всѣмъ, да еще и многимъ иновѣрцамъ. Онъ не только создалъ нашу Латвійскую Церковь и мудро правилъ ею, но былъ дѣйствительно отцомъ и защитникомъ всѣхъ русскихъ.

Травля Владыки въ послѣдніе годы велась, главнымъ образомъ, по линіи (такъ называемаго) русскаго и (такъ называемаго) христіанскаго Единенія (или Движенія). Владыка, очень любившій дѣтей и молодежь, охотно видѣлъ представителей молодежи у себя, такъ что не рѣдки были посѣщенія его кружками, группами или даже цѣльными классами учащихся. Для всѣхъ онъ находилъ время, слова ободрѣнія и ласки. Когда въ Ригѣ образовалось отдѣленіе Единенія, Владыка отнесся къ нему сочувственно. Однако, когда ему стала ясна сущность этой организаціи, онъ отъ нея отошелъ. Члены Единенія примкнули къ травлѣ, и дошло до того, что однажды состоялся цѣлый заговоръ: подъ какой-то двунадесятый праздникъ было рѣшено, подходя къ миропомазаню, демонстративно не цѣловать руку Владыки. Владыку предупредили и онъ, помазавъ духовенство, удалился въ алтарь. Травля особенно обострилась послѣ пребыванія въ Ригѣ архимандриста Иоанна (Шаховского), которому Владыка не разрѣшилъ служить въ Ригѣ. Враги не остановились передъ тѣмъ, чтобы подослать хулигановъ, которые напали, когда Владыка вечеромъ возвращался къ себѣ на дачу. Не разсчитали они физической силы противника, Владыка стукнулъ ихъ головами и приказалъ идти съ собой, поговорилъ съ ними по душамъ и такъ на нихъ подействовалъ, что они покаялись ему во всемъ и стали его друзьями.

Одним изъ самыхъ яркихъ выступлений Владыки въ Сеймѣ была его знаменитая рѣчъ «Въ защиту пенсій для духовенства». Коммунистической фракціей Сейма было внесено предложеніе лишить духовенства пенсій — что, моль, тунеядцевъ кормить. Владыка произнесъ блестящую рѣчъ. Пренія превратились въ личные выпады противъ Владыки и кто-то изъ коммунистовъ задалъ Владыкѣ вопросъ, чѣмъ онъ занимался во время борьбы за независимость Латвіи. Владыка отвѣтилъ, что, какъ всѣмъ извѣстно, онъ организовывалъ Латвійскую Православную Церковь, а вотъ чѣмъ занимался тотъ депутатъ, который задалъ ему этотъ вопросъ? Онъ вытащилъ изъ кармана газету и про чель, что депутатъ такой-то въ такомъ-то году приказалъ разстрѣлять столько-то латышей. «Я старался принести пользу Латвіи, а вы — разстрѣливали честныхъ латвійскихъ патріотовъ!» Коммунистическая фракція полѣзла на Владыку съ кулаками, и нѣсколько человѣкъ его ударило. Онъ не защищался, хотя при своей огромной физической силѣ могъ бы успѣшно съ ними справиться. Засѣданіе было прервано. Законъ прошелъ. Престижъ Владыки въ народѣ еще болѣе укрѣпился.

Удивительнѣй всего было то, что Владыка Иоаннъ не былъ русскимъ по національности: онъ былъ сыномъ простыхъ латышскихъ крестьянъ, уроженецъ Лифляндской губерніи.

Невозможно даже кратко перечислить все организации и частныхъ лицъ, привѣтствовавшихъ Владыку въ день празднованія десятилѣтія епископства Владыки Иоанна въ Латвіи. Упомяну привѣтствие хора Донскихъ Казаковъ (Жаровъ), на которомъ хочу остановиться. Казаки пишутъ: «Въ путешествіяхъ нашихъ мы много слышали о рижскомъ